

Научная статья
УДК 347
doi: 10.17223/15617793/511/24

Современный взгляд на доктринальные межотраслевые понятия

Раиса Петровна Мананкова¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, Pashkova.Pashkova24@yandex.ru

Аннотация. Обосновывается методологическое значение межотраслевого понятия, его структурная и содержательная сущность. Анализируется содержание понятий «чрезвычайная ситуация» и «реквизиция», а также особенности динамики (необходимость доктринального обоснования и контроля за легальными понятиями). Классификация этих понятий, ранее исследовавшихся только применительно к частному праву, дополнена новыми критериями общего плана. Анализируется позиция дореволюционных классиков отечественной цивилистики о возможности ограничения или отмены принципа свободы договора.

Ключевые слова: дисбаланс, критерии, функция, свобода договора, классификация, динамика, экспертное заключение

Для цитирования: Мананкова Р.П. Современный взгляд на доктринальные межотраслевые понятия // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 511. С. 222–228. doi: 10.17223/15617793/511/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/511/24

A modern view on doctrinal intersectoral concepts

Raisa P. Manankova¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, Pashkova.Pashkova24@yandex.ru

Abstract. The relevance of the topic is primarily due to the imbalance between the traditional and Soviet legal structures and their manifestations. Convergence, understood as the interpenetration of public and private law, in turn necessarily entails the need for connecting tools. Intersectoral concepts are one of them. This article continues to explore the little-studied issues of intersectoral concepts. The main thesis is that the intersectoral concept is an element of the methodology of legal science. Its main functions were investigated earlier and are expressed in the following: it holds together the normative mass and actually reduces its volume. High-quality developments by industry scientists make it possible to update and enrich the legislative system. Especially important for practice is that the unity of opinions and positions of scientists on the main problems of law enforcement determines the stability and quality of current legislation, its effectiveness. The article substantiates the content of the intersectoral concept using the concepts of "emergency" and "requisition" as an example. They are more developed and suitable for theoretical plots. The dynamics of the intersectoral concept and its features are shown, in particular, the need for preliminary doctrinal justification and control over legal concepts. The defining role of the expert opinions of the Presidential Council for the Codification of Civil Legislation is emphasized, and it is recommended that the most important of them be included in the postgraduate training program as examples of scientific thought. The position of the Council on controversial projects on the joint will of the spouses and the inheritance agreement is analyzed in detail. Additional criteria for the classification of intersectoral concepts are proposed. The author expresses doubt about the need to get involved in legal technology to the detriment of conceptual research. The primary element is still the concept. For successful construction, including legal structures, optimal high-quality materials, i.e. concepts, are needed. It is a long process, and it is easier and faster to build a law from what we have. It is necessary to think over a program for attracting creative youth to conceptual issues. The article analyzes the situation in healthcare legislation and daily practice in connection with the upcoming significant changes in the law. Legal measures are recommended to improve documentation management in medical organizations, increase patient awareness, and strengthen control over the performance of duties. In addition, the article, in comparative terms, uses information from pre-revolutionary classics (G.F. Shershenevich, I.A. Pokrovsky) on the familiar problem of freedom of contract, the possibility of its restriction or cancellation.

Keywords: imbalance, criteria, function, freedom of contract, classification, dynamics, expert opinion

For citation: Manankova, R.P. (2025) A modern view on doctrinal intersectoral concepts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 511. pp. 222–228. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/511/24

Применяя закон, юристы реагируют на текст, особенно задумываясь о его происхождении. И это вполне

естественно: всему свое место и свое время. Текст нормативного акта – это результат творческой деятельности

сти. За терминами, адресованными любому правоприменителю, незримо стоит наука, в упрощенном виде называемая системой понятий. Термин обозначает понятие.

Понятие как философская категория, по мнению специалистов правовых наук – явно недооцененное явление. Тем не менее существует бесчисленное множество правовых отраслевых классификаций понятий. Особенно в этом плане отличились представители науки права социального обеспечения, в частности, В.С. Аракчеев [1. С. 55–57] и А.Л. Благодар [2. С. 605, 614].

В некоторых классификациях правовых понятий упоминаются и межотраслевые понятия. Но в имеющихся публикациях информации по существу мало, в основном исследуются частные проблемы. То есть, как теперь повелось, автор решает свою практическую задачу, например, как участник арбитражного процесса.

Актуализация малоизученной проблематики существующих правовых связей между отраслями происходит в медленном темпе. Информационная масса носит в основном фрагментарный характер. Оценки и выводы исследователей в значительной степени субъективны.

Взаимодействие отраслей прежде всего осуществляется через понятия. Отсюда и следует доктринальное определение межотраслевого понятия как понятия, используемого в двух и более отраслях права [3. С. 110]. Как видно в нем отражена только его служебная роль. В действительности же содержание этим признаком не исчерпывается. Межотраслевое понятие (МОП) представляет собой структурно и содержательно сложный правовой феномен. Как разновидность общенаучного понятия оно, прежде всего, должно отвечать общим требованиям.

Основной вклад в теорию познания внесен философами [4. С. 177]. Понятие как предмет исследования в диалектической логике рассматривается в двух значениях: как форма постижения сущности и как часть суждения. В словарях четко различаются и понятие, и его содержание; юристы, напротив, их отождествляют. Взаимопонимание, к сожалению, не просматривается.

В отечественной теории права основы философской науки о понятиях, разумеется, давно усвоены и получили развитие (С.С. Алексеев, Н.В. Витрук, Н.И. Матузов, В.А. Патюлин и др.). Именно советским ученым принадлежит теория отраслевой структуры права, обеспечившая реализацию уникальной идеи и сохраняющаяся в сложных условиях дисбаланса с традиционной структурой права.

Реальный вклад в теорию познания и правоприменения внесли российские цивилисты и прежде всего коллектив под руководством А.Л. Маковского. Законопроектная деятельность известных ученых, отраженная в огромном количестве различного рода публикаций, дает возможность увидеть и оценить качество творческих изысканий, их высочайший теоретический уровень. Это позволяет утверждать, что цивилисты создали надежную, обоснованную теоретическую платформу для предстоящих научных исследований. Именно поэтому частноправовая доктрина в ее нынешнем состоянии способна восполнить явный пробел и в понимании роли межотраслевого понятия.

Если не усложнять изложение, то суть сводится к тому, что любое из простых понятий (работающих на одну отрасль), в принципе, может быть заимствовано другой отраслью. С момента внедрения (разумеется, в установленном законом порядке) это понятие и становится межотраслевым. А самое интересное заключается в неопределенности правового режима (или правовой природы?) этого нового понятия.

Первоочередные вопросы для исследователя – содержание понятия, его динамика, классификация и функции. О функциях МОП в тезисном варианте главное уже было сказано. Как элемент юридической методологии это понятие, несомненно, скрепляет нормативную массу и уменьшает ее объем; обеспечивает обновление и обогащение системы законодательства качественными разработками ученых-отраслевиков; единообразие теоретиков по ключевым вопросам обуславливает стабильность практики, хотя бы ради этого эффекта и стоит заниматься межотраслевыми правовыми понятиями. Главное, что для достижения этой цели есть все необходимые средства, из которых исходным всегда будет гражданское право, и закон, и доктрина. Здесь можно найти ответы на все вопросы, не отвлекаясь на второстепенные по значимости проблемы, в частности юридической техники.

На известном форуме только профессор МГИМО А.А. Малиновский четко сформулировал мысль о том, что наука, а не техника должна быть определяющей в законотворчестве (подробнее о форуме по проблемам юридической техники см.: [5]).

Тем не менее нормотворческая техника как предмет исследования после целевого форума привлекает все большее внимание. Теорией юридической техники и юридической технологии занимались и многие отечественные ученые, такие как С.С. Алексеев, В.М. Баранов, В.Н. Карташов, Т.Н. Радько, В.К. Бабаев, А.С. Пиголкин и др. В отраслевых науках наиболее активны специалисты в области уголовного права – К.А. Вознесенский, А.В. Иванчина, Л.Л. Кругликов и др.

О результатах творческого процесса судить сложно, не погружаясь в их суть. Из авторефератов видно разнообразие мнений по основному вопросу о понятии и содержании юридической техники. Из последних по времени публикаций отраслевиков достойной внимания представляется докторская диссертация А.А. Смирнова [6]. Предложена концепция трудоправовой техники нормотворчества, обозначена актуальность темы, дано «собирательное» понятие, объединяющее в себе четыре вида техники.

Все актуально, убедительно, но остаются сомнения в оценках самого явления увлечения юридической техникой на данном этапе. Первично все же понятие; для успешного строительства кроме умения строить нужны качественные стройматериалы: вырастить лес, создать новые товары. Это длительный процесс, легче и быстрее соорудить конструкцию из того, что есть. Как иногда и происходит, если иметь в виду известные проблемы несовершенства понятийно-категориального аппарата.

Объективно приоритет за понятиями, а не за строительными конструкциями законов. Тем не менее и в советское время, и сейчас вырисовывается одна и та же

задача – привлечение внимания к понятиям. Много и в разное время этими вопросами занимались известные советские цивилисты (Б.И. Пугинский, Д.Н. Сафиуллин и их ученики). Конечно, время существенно подкорректировало многие оценки и выводы. Мы уже не говорим о дефиците понятий, не критикуем оппонентов, приводя необдуманные аргументы и др. Сохранилось главное «юридическое богатство», «правовая ценность» (С.С. Алексеев). В данном случае речь идет о научном потенциале, накопленном за многие десятилетия. Не нужно искать сюжеты для диссертаций молодым ученым, компилировать несовместимые области знаний, по большому счету, заниматься наукообразием. Прежде всего важно освоить созданное предшественниками. Скорее всего, именно там хранятся ответы на многие вопросы нынешнего времени.

В работах отечественных классиков редко можно встретить пространную аргументацию, но тезисы, идеи, прогнозы изумляют точностью. Кстати, термин «межотраслевой» употреблялся тогда хотя и не часто, но более объемно. Он сопровождал не только «понятие», но и разные элементы структуры советского права. Сейчас в научном обиходе чаще говорят о междисциплинарности, по крайней мере, на словах.

Старый тезис «доктрина готовит норму» избавляет от необходимости убеждать во взаимосвязи легальных и доктринальных межотраслевых понятий. Для легализации определенного понятия необходимо пройти стадию его научного обоснования. В наше время распространены так называемые пояснительные записки к законопроектam; о качестве их содержания можно говорить отдельно. Другое дело – экспертные заключения Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства. Эти документы необходимо включать в учебные планы аспирантов как образцы научной мысли.

Особый интерес представляет экспертное заключение по проекту ФЗ № 801269-6 «О внесении изменений в части совершенствования наследственного права (см.: [7]). Совет по кодификации дал отрицательное заключение и по этому, второму варианту законопроекта. Критике главных специалистов подверглись новеллы о совместном завещании супругов, предлагающие решительно порвать с многовековой традицией российского наследственного права, последовательно и принципиально не допускающего совместных завещаний. По этим же соображениям недопустимы и наследственные договоры. Вывод Совета: «проект нуждается в дополнительной глубокой и тщательной проработке его концепции. В случае концептуального обоснования необходимости основных новелл проекта, если оно получит широкую поддержку в обществе, в том числе в науке и в судебном сообществе, возможно вернуться к юридико-технической проработке согласованной системы норм, регулирующих данные новые институты» [7. С. 149].

Несмотря на отрицательное заключение Совета по кодификации, в текст ГК РФ все-таки внесли нормы о совместном завещании супругов и наследственном договоре (в редакции ФЗ № 217-ФЗ от 19.07.2018). Но и

этим дело не закончилось. Статью 1118 ГК РФ вновь отредактировали. С 1 июня 2019 г. Федеральным законом № 217-ФЗ п. 4 ст. 1118 излагается в новой редакции: «В завещании могут содержаться распоряжения только одного гражданина. Совершение завещания двумя или более гражданами не допускается». То есть сейчас по российскому закону супруги не могут составлять совместное завещание. Однако уцелела конструкция наследственного договора. Теперь в ГК РФ появилась новая ст. 1140-1 «Наследственный договор». Статья введена в действие с 1 июня 2019 г. ФЗ № 217-ФЗ от 19.07.2018. Содержание статьи отражено на двух страницах текста ГК, т.е. концептуально она, по-видимому, отработана. Можно предположить, что продолжение этой «саги» еще последует; но специалистам из других отраслей есть чему поучиться.

В масштабе юридической науки легализация доктринального понятия является большим событием, оптимальным вариантом результатов творческой деятельности ученого-юриста. Но и доктрина не исчезает, не превращается в закон, хотя, может быть, заметно и не проявляется, если даже не следят за судьбой новых понятий особо тщательно, как, например, за главой 22 Уголовного кодекса РФ.

В поле зрения специалистов, ученых и практиков это понятие все равно остается, проверяется на прочность, востребованность, эффективность и на другие характеристики.

В советское время существовала практика условно называемого «испытательного срока» для новых, существенно важных нормативных актов. Обычно в течение года со дня принятия выяснялась реакция на него практических работников, прежде всего судебного сообщества, кстати, с участием народных заседателей. В этой работе принимали непосредственное участие специалисты, в частности юридического факультета Томского университета, а также руководители партийных организаций. В результате появлялись постановления пленумов Верховного Суда СССР и РСФСР. Отдельно оформлялись обобщения судебной практики по конкретным категориям дел.

Доктринальный контроль за состоянием легальных понятий, в принципе, должен их сопровождать всегда, а не только при возникновении. Изменение редакции действующего акта – это и есть динамика; исключение статьи или ее части, т.е. прекращение, завершает динамику.

Содержание любого понятия, в том числе межотраслевого, должно составлять его существенные признаки. В действительности все не так просто. В литературе приводится немало примеров нарушения этого требования; спорят и о понятии существенности, и о числе признаков, необходимых для полноценного понятия, о соразмерности правовых и неправовых элементов содержания. Аргументируется соответствующая позиция в первую очередь нарушением общепризнанных законов логики.

Сейчас в разгаре полемика о понятии и правовой природе чрезвычайной ситуации. До завершения дискуссии еще очень далеко. Тем не менее уже просматриваются достойные внимания законодателя и научной общественности разработки, выводы и предложения.

Из них убедительными представляются положения о пяти признаках чрезвычайной ситуации, о дефектах ее легального понятия, о квалификации законодательства о ЧС как особой комплексной отрасли законодательства инкорпоративного типа [8].

Межотраслевое понятие соединяет разные отрасли в любом сочетании, поэтому содержание его формируют существенные признаки, присущие каждой из них. Чрезвычайная ситуация пронизана административной сущностью; еще и по этой причине трудно и даже невозможно собрать все нормы в единое целое, т.е. в кодекс о чрезвычайных ситуациях. Приоритет административного законодательства очевиден. Гражданское право и провозглашено, и гарантируется, но с реализацией его все очень сложно. Центральный вопрос здесь – ответственность.

Межотраслевое понятие чрезвычайной ситуации отражают и Конституция РФ (ст. 35, 42, 53, 56), и нормы процессуального законодательства. По существу, эти положения характеризуют любое МОП.

Сходная ситуация наблюдается в нашей стране сейчас при исследовании несколько подзабытого явления – реквизиции. В силу ст. 242 ГК РФ «в случаях стихийных бедствий, аварий, эпидемий, эпизоотий и при иных обстоятельствах, носящих чрезвычайный характер, имущество в интересах общества по решению государственных органов может быть изъято у собственника в порядке и на условиях, установленных законом, с выплатой ему стоимости имущества (реквизиция)». Это – одна из наиболее доступных норм из множества правовых предписаний, характеризующих реквизицию. Межотраслевой характер подтверждается нормами ГК РФ, Земельного кодекса РФ, ФКЗ «О военном положении», ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в РФ», ФКЗ «О чрезвычайном положении» и др.

Принудительное изъятие имущества возможно только в порядке и на условиях, установленных законом, и только за плату. Исследователи института реквизиции обосновали несовершенство законодательства и отсутствие надлежащего механизма реализации этих положений. Сформулирована основная задача – разработка специального закона о реквизиции и механизма его осуществления, а также способов защиты гражданских прав собственников (законных владельцев) изымаемого имущества. Предложены схема проекта ФКЗ «О реквизиции» и образцы необходимых документов [9]. Прошло 15 лет, но в ст. 242 ГК РФ не изменилась ни одна буква.

У каждого межотраслевого понятия своя история и своя судьба, но для обстоятельного исследования слишком мало информации. И все же уже можно утверждать, что должна быть выявлена потребность в конкретном понятии, причем на данном историческом отрезке времени. Отслужили, т.е. устарели, привычные советскому человеку понятия «спекулянт», «нетрудовой доход». Новые времена и новые условия отражаются в понятиях и терминах, не доступных миллионам рядовых обывателей из старшего поколения. На бытовом уровне это используется операторами связи, банками, торговыми организациями и выражается в массовых злоупотреблениях. Для решения повседневных

социальных вопросов нужны адекватные правовые меры. В частности, необходимо разработать комплекс нормативных актов разноотраслевого назначения, доступных любому гражданину.

Межотраслевое понятие как предмет исследования и как потенциальный элемент методологии юридической науки заслуживает тщательного анализа всех его граней. Одним из основных направлений представляется решение задачи систематизации многочисленных видов МОП. Именно классификация позволит конкретизировать и углубить сведения о сущности этой теоретической конструкции. Вопрос о критериях классификации правовых явлений отчасти ранее уже освещался. Исследовались только частнопроводные понятия, а в числе критериев возможной классификации были предложены отраслевая принадлежность, происхождение понятия и его служебная роль. Эти критерии вполне приемлемы и сейчас, но с определенными корректировками. В центре внимания теперь находится не простое, обслуживающее одну отрасль понятие, а структурно сложное – межотраслевое, и это необходимо обосновать, доказать.

Происхождение понятия означает такие его свойства как основной или производный, первичный, исходный или вторичный характер. Применительно к МОП ответ зависит от конкретного вида понятия. Притворная сделка, например, производна от сделки.

Служебная роль МОП в доктринальной стадии предполагает ее обоснование в произведении науки либо соответствующем документе (пояснительной записке, экспертном заключении и др.). После легализации доказывать уже ничего не требуется, легальное понятие презюмируется соответствующим всем требованиям и по форме, и по содержанию, и пригодным для выполнения своей служебной роли.

В числе критериев классификации МОП присутствует время, срок существования конкретного понятия. Вечный характер наследования не требует доказательств. Казалось бы, за многие века создана надежная теоретическая платформа, отработана универсальная модель законодательства. Но страсти кипят и по сей день; людям свойственно со временем забывать азы.

В солидном возрасте находится и понятие доли в праве. Теоретики и цивилисты повторяют одни и те же аргументы; в законодательстве сплошная фрагментарность. Между тем потребность в легализации этого понятия не только не снижается, а, наоборот, обостряется. В советское время эти вопросы в значительной степени волновали граждан – обладателей права личной собственности. Теперь к проблемам долевой собственности подключились все остальные субъекты частной собственности. Некоторые из них склонны решать имущественные затруднения по своему усмотрению, но не по закону.

Критерием классификации МОП может быть его смешанная структура. В отличие от упоминавшейся выше сложной, обусловленной присутствием нескольких отраслей права, здесь имеется в виду наличие в его содержании признаков неправовых. Типичный пример – понятие семьи, универсальная категория во всех правовых науках.

Но и за пределами права она широко используется во многих науках. Семью изучают философы, социологи, историки, демографы, этнографы, психологи и др. Их исследования, несомненно, обогащают, развивают представления об этом феномене. В правовой вариант понятия семьи, естественно, добавляются и неправовые признаки. Социологи, например, характеризуют семью как малую социальную группу (объединение, общность лиц, союз, малый коллектив).

Доктринальное понятие семьи в Белоруссии легализовали, уделив значительное место в структуре кодекса (КоБС, 1999 г.). У нас пока не доходит дело даже до законопроектов, хотя теория создана в советское время, много конкретных вариантов обсуждается в специальных изданиях по семейному праву.

Присутствие в межотраслевом понятии неправовых элементов легко обнаружить также в содержании многих норм ГК РФ, в подзаконных актах. В советском законодательстве огромное внимание уделялось хозяйственным договорам. Теория хозяйственно-договорного регулирования претворялась в законодательство усилиями не одних только юристов. Поставка, капитальное строительство, грузовая перевозка как основные правовые институты могли появиться только на прочном фундаменте базовых отраслей отечественной экономики. Поэтому отмечались и факты диктата, дисбаланса интересов активной стороны (поставщика, перевозчика, подрядчика) и контрагента. В юридическом обиходе это называлось просто: «закон пишет строитель, перевозчик...». И только в инструктивных указаниях Госарбитража СССР ситуацию «разруливали» более или менее удачно.

Ушло то время, но невидимая презумпция силы активной стороны никуда не исчезла. В публикациях коллектива А.Л. Маковского немало информации о воздействии заинтересованных субъектов на процесс законотворчества. Да и в действующем ГК РФ исследователи находят уязвимые места, заказные нормы в частности.

Разговор о критериях классификации межотраслевых понятий, по существу, только начинается. По мере познания сущности МОП открываются и новые грани. Например, на поверхности оказывается вопрос о его месте в системе других понятий.

Специалисты в области права социального обеспечения (А.Л. Благодир, С.Ю. Головина) уже давно заявили о несовершенстве и законодательных предписаний, и об уязвимых доктринальных понятиях. Более того, выявилась и все более обостряется проблема реализации многих положений действующего законодательства о здравоохранении. Не вдаваясь в общезвестные социальные подробности, есть основания беспокоиться о состоянии правового обеспечения. В дискуссиях о проблемах и перспективах отечественного здравоохранения сформировалась, по существу, конструкция очередной реформы. Суть ее – в создании особого законодательства; выведение медицинских услуг из-под действия Федерального закона «О защите прав потребителей»; стандартизации на федеральном уровне проектов договоров на оказание медицинских

услуг. В науке необходимо решить вопросы с понятийным аппаратом, а их – понятий – бесчисленное множество, противоречивых, неполных, весьма неудачных и спорных. Межотраслевой характер их чаще всего очевиден.

Отдельного внимания требует цивилистический аспект. Человек проходит многие больничные коридоры, структуры и практически везде должен ориентироваться, имея необходимый запас правовых знаний. Пациент должен понимать значение и, кстати, цену каждого звена в цепи назначенных процедур (обследование, консультация, анализы и др.). Иначе говоря, в будущем нормативном акте должен быть детально исполнен цивилистический блок. Цивилисты предложили конструкцию преддоговорного правоотношения (Т.В. Шепель, В.И. Бояринова). Актуальность этой стадии обусловлена распространенной практикой игнорирования формы, бесконтрольностью за исполнением обязанностей, недостаточной информированностью пациента.

Возвращаясь к вопросу о месте межотраслевых понятий в системе иных понятий (общих, общенаучных, общеправовых, внутриотраслевых и др.), определенно ответить пока нельзя. Кроме того что ощущается явный дефицит конкретных разработок, есть и другие причины. Главная из них – динамичность самой материи. Меняются времена, приходят и уходят и новые, и старые понятия. Можно только «сфотографировать» конкретный исторический этап и получить более или менее достоверные оценки.

Наше время интересно стремительным развитием науки частного права: пересмотром многовековых представлений о собственности, договорах, семье, наследовании. На первом месте стоит фундаментальное универсальное понятие договора. За многие века объективно создана необозримая картина представлений об этом феномене. Есть мнение, что вполне реально осуществить мечту о подготовке общей теории договора. Насколько это достижимо, увидят потомки.

Советские ученые внесли значительный вклад в теорию договорного регулирования. Представителям свердловской научной школы цивилистов принадлежит признанный приоритет. Развивая идею Фридриха Карла фон Савиньи об универсальности договора, О.А. Красавчиков определяет договор как правовой феномен, приобретающий известные специфические черты, которые отражаются и юридически закрепляются в нормах различных отраслей права, определяющих соответствующие компоненты договора, модели, его содержания, формы, порядка заключения, правовые последствия и т.д. [10. С. 8–9].

Универсальность договора сейчас не нужно подтверждать ссылками на отраслевые разработки [11. С. 31–33]. И вместе с тем договорная тематика в цивилистике была и остается основной. В плановой советской экономике роль договора была, по существу, второстепенной. Жизнь подтвердила недостаточную эффективность плановой системы и основных ее принципов.

Пришло новое время, возникла новая система общественных отношений, потребовались, по сути, рево-

люционные преобразования во всех сферах жизни. Известный ученый, разработчик проекта Гражданского кодекса С.А. Хохлов точно заметил, что Россия получила, по существу новое договорное право, очищенное от многолетних наслоений, оставшихся в законодательстве от административно-командного прошлого [12. С. 425].

В центре внимания теперь оказался принцип свободы договора. Уже много написано, подкорректировано, предложено в плане совершенствования новых норм. Однако после восторженных и во многом заслуженных оценок появились сомнения в безупречности выводов. Практика, как всегда, самый лучший контролер. Каковы пределы свободы договора, нужно ли ее ограничивать, в чьих интересах и т.д. – этим мы и занимаемся до сих пор; мы – это «весь свет» (Г.Ф. Шершеневич), электорат, говоря современным языком.

Есть смысл вспомнить выдающихся русских ученых, которым более ста лет назад пришлось заниматься теми же самыми проблемами. Тогда тоже после отмены крепостного права вместе с правом частной собственности была провозглашена свобода договора. И также на первом этапе – повышенное внимание к этому принципу, акцент на его роли. А далее то же, что и у нас, – аналогия с процессами, происходившими в конце XIX в., и сейчас. Трудно удержаться от цитирования вывода Г.Ф. Шершеневича: «Безграничная свобода договора, которая выставилась недавно как необходимое условие гражданского быта и основной принцип законодательной политики, в последнее время подвергается стеснениям под влиянием общественного интереса, внимания к слабейшей стороне» [13. С. 449].

Главный вывод о том, что свобода договора не может быть безграничной, легко переносится в наше время и на нашу почву. Ограничивать эту свободу необходимо, но по каким критериям? Безусловно, им является закон, это признавали и предшественники; но и они тогда не договорились о других критериях. Однако вопрос об отмене принципа свободы договора тоже обсуждался, но очень осторожно, в присущих тому времени изящных формулировках.

Внимание к слабейшей фактически стороне заставляет законодателя в последнее время отрицать юридическое значение за такими договорами, при заключении которых один контрагент воспользовался к неудовольствию другого, его нуждой, неопытностью, легкомыслием. Так поступило германское Уложение (параграф 138) [13. С. 449].

Нам еще надо научиться подобной дипломатии, чтобы так ответить на простой вопрос: торжество начала государственного вмешательства над безграничным индивидуализмом еще не настолько выяснилось, чтобы устранить принцип свободы договора.

Отменять принцип свободы договора по большому счету, никто не собирался и тогда, и сейчас. И.А. Покровский, классик отечественной цивилистики, писал в 1917 г.: «Вместе с началом частной собственности этот принцип служит одним из краеугольных камней всего современного гражданского строя. Уничтожение этого принципа означало бы полный паралич гражданской жизни, обречение ее на неподвижность» [14. С. 250, 275].

В какой мере эти мысли наших классиков отразятся на состоянии современной науки и законодательства, покажет будущее.

Список источников

1. Аракчеев В.С. Основопологающие понятия и категории права социального обеспечения Российской Федерации // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. Томск, 2019. С. 55–57.
2. Благодир А.Л. Понятия и категории права социального обеспечения // Российский ежегодник трудового права. 2012. № 8. С. 605–614.
3. Ткачев Н.И. Межотраслевые правовые понятия (методологический аспект). Понятийный аппарат науки советского гражданского права и процесса и терминология законодательных актов : сб. науч. тр. Тверь, 1991.
4. Копнин П.В. Дialeктика как логика и теория познания. М., 1973.
5. Мананкова Р.П. О трансформации правовых явлений // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 497. С. 229–230. doi: 10.17223/15617793/497/24
6. Смирнов А.А. Трудоправовая техника нормотворчества : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2024. 48 с.
7. Вестник гражданского права. 2016. Т. 16, № 2. С. 140–149.
8. Фролов А.И. Чрезвычайная ситуация: цивилистический аспект. М. : Юрлитинформ, 2015. 208 с.
9. Афанасьева Е.Н. Реквизиция: гражданско-правовые проблемы. Томск : Том. гос. ун-т, 2009. 176 с.
10. Красавчиков О.А. Гражданско-правовой договор: понятие, содержание и функции // Гражданско-правовой договор и его функции. Свердловск : УрГУ, 1980. С. 3–18.
11. Мананкова Р.П., Лебедев В.М. Трудовые сделки и гражданско-правовые договоры : учеб. пособие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 36 с.
12. Хохлов С.А. Новое договорное право России // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика : сб. памяти С.А. Хохлова / отв. ред. А.Л. Маковский. М. : Междунар. центр финансово-экон. развития, 1998. С. 423–427.
13. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. 9-е изд. М. : Издание Бр. Башмаковых, 1911.
14. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М. : Статут, 1998.

References

1. Arakcheev, V.S. (2019) Osnovopolagayushchie ponyatiya i kategorii prava sotsial'nogo obespecheniya Rossiyskoy Federatsii [Fundamental concepts and categories of social security law of the Russian Federation]. In: *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal Problems of Strengthening Russian Statehood]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 55–57.
2. Blagodir, A.L. (2012) Ponyatiya i kategorii prava sotsial'nogo obespecheniya [Concepts and categories of social security law]. *Rossiyskiy ezhegodnik trudovogo prava*. 8. pp. 605–614.
3. Tkachev, N.I. (1991) Mezhotraslevye pravovye ponyatiya (metodologicheskii aspekt) [Intersectoral legal concepts (methodological aspect)]. In: *Ponyatinyy apparat nauki sovetskogo grazhdanskogo prava i protsesssa i terminologiya zakonodatel'nykh aktov* [Conceptual Apparatus of the Science of Soviet Civil Law and Procedure and Terminology of Legislative Acts]. Tver: Tver State University.
4. Koppin, P.V. (1973) *Dialektika kak logika i teoriya poznaniya* [Dialectics as Logic and Theory of Knowledge]. Moscow: Nauka.
5. Manankova, R.P. (2023) On the transformation of legal phenomena. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 497. pp. 229–235. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/497/24

6. Smirnov, A.A. (2024) *Trudopravovaya tekhnika normotvorchestva* [Labor-law technique of rule-making]. Abstract of Law Dr. Diss. Yekaterinburg.
7. *Vestnik grazhdanskogo prava*. (2016) 2 (16). pp. 140–149.
8. Frolov, A.I. (2015) *Chrezvychaynaya situatsiya: tsivilisticheskiy aspekt* [Emergency Situation: Civilistic aspect]. Moscow: Yurlitinform.
9. Afanas'eva, E.N. (2009) *Rekvizitsiya: grazhdansko-pravovye problemy* [Requisition: Civil-law problems]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Krasavchikov, O.A. (1980) *Grazhdansko-pravovoy dogovor: ponyatie, sodержanie i funktsii* [Civil-law contract: concept, content and functions]. In: *Grazhdansko-pravovoy dogovor i ego funktsii* [Civil-law Contract and Its Functions]. Sverdlovsk: Ural State University. pp. 3–18.
11. Manankova, R.P. & Lebedev, V.M. (2009) *Trudovye sdelki i grazhdansko-pravovye dogovory* [Labor Transactions and Civil-Law Contracts]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Khokhlov, S.A. (1998) *Novoe dogovornoe pravo Rossii* [New contract law of Russia]. In: Makovskiy, A.L. (ed.) *Grazhdanskiy kodeks Rossii. Problemy. Teoriya. Praktika* [Civil Code of Russia. Problems. Theory. Practice]. Moscow: Mezhdunar. tsentr finansovo-ekon. razvitiya. pp. 423–427.
13. Shershenevich, G.F. (1911) *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava* [Textbook of Russian Civil Law]. 9th ed. Moscow: Izdanie Br. Bashmakovykh.
14. Pokrovskiy, I.A. (1998) *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [Basic Problems of Civil Law]. Moscow: Statut.

Информация об авторе:

Мананкова Р.П. – д-р юрид. наук, ведущий аналитик лаборатории социально-правовых исследований Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Pashkova.Pashkova24@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

R.P. Manankova, Dr. Sci. (Law), leading analyst, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Pashkova.Pashkova24@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.12.2024;
одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 28.02.2025.

The article was submitted 23.12.2024;
approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 28.02.2025.